

Гело Никамрубис

Крики прошлого

Глава I. Мария

Пустота... Пустота, заполняющая, умиротворяющая сознание, убивающая всякое подобие оптимизма... Пустота души, она много страшнее пустоты материальной, ибо святые отшельники и в пустыни находили свое счастье. Ведь в пустыне они могли держать свои страхи в узде, да и не было у них страха, так как они там оказались сами и по своей воле. Это их, для нас людей обычных, выбор весьма странный и желания их нам не ясны. Нам не ведомо, что в этом уединении они черпают свое счастье, свое просвещение и цель. Смысл живет в их голове, сознание — в их душе и пустоте просто нет места. Другое дело, когда человек бьется как рыба об лед, пытаясь хоть что-либо сделать, хоть что-то исправить и найти в своей пустынной душе, спасительный оазис. Старается, и вот уже он видит, почти может его потрогать, но это снова мираж. После таких провалов, бывает, человек ломается и ему уже не нужен оазис, ему хотя бы глоток воды найти и сохранить его до конца своих серых дней. Конечно, в итоге он его находит и ему большего не

нужно. За этот глоток человек держится, сражается и не хочет ничего менять, ведь видя очередной фонтан свежей, прохладной воды, окруженный чудесными пальмами, он уверен, что это очередной мираж, лишь злая шутка над ним. Но бывает еще хуже. Бывает в душе человека гармония и он уже познал счастье, своими стараниями, страданиями заслужил его, но жизнь просто выжигает весь его личный мир и превращает в пустыню. Каждый раз, шаг за шагом, год за годом, уничтожая и пресекая всякую веру в лучшую жизнь. Вот тогда, уже вкусив жизнь, будучи искушенным и всего лишиться, можно лишиться и рассудка. Так и с нашим героем Виктором Романовичем Кротовым. Однако, он все же еще держался, ведь он понимал, что все-не просто так. Что есть на нем вина и сам он творец своей пустыни. Он пытался все смиренно стерпеть, выстоять, но силы его были на пределе. Все от того, что не понимал, почему за его грехи должны нести ответ близкие. А когда нет четкого понимания происходящего, тогда и как жить становится неясно. Но не все так плохо, как уже было сказано, герой наш искушен счастьем и, причем, счастьем многогранным: у него было завидное детство, в котором родные ему ни в чем не отказывали, замечательная, любящая жена, дети-умницы, крайне успешный бизнес и уважительное положение в обществе. Но однажды он круто

оступился и начал терять свое богатство, свое сокровища шаг за шагом. Стоило ему однажды ошибиться, как судьба начала с него требовать сполна. И сейчас страдания его подходили к кульминации, ведь он сидел в больнице рядом со своим умирающим, последним сыном. Тяжким грузом вина сдавливала плечи, разрывая сердце, и убивало душу.

«Ну сколько ты еще будешь меня мучать?! Хочется спросить «За что?», но я то знаю... но не понимаю, почему они? Их-то за что? Почему не я!?» — Думал про себя Виктор, обращаясь к Богу, в которого он особо никогда и не верил.

— Вы уже два дня не спали, Вам нужно отдохнуть. — Прервала унылый ход мыслей миниатюрная медсестра, стоящая в паре шагов от больничной койки.

— Я, нет. Я не хочу, спасибо. — Не уверенно и как-то рассеянно ответил мужчина.

— Поверьте, мы все следим за его состоянием, и как только будут какие-нибудь изменения — мы Вам сразу же сообщим.

— И все же я хотел бы остаться. Один.

— Извините, но ему не станет лучше, если Вы ляжете рядом с ним от бессилия. — Не отступала девушка.

Виктор не ответил. Будто и вовсе её не слышал.

— Может, Вы тогда хотя бы подкрепитесь? Я как раз собираюсь сделать чаю. У меня и пряники есть. — Улыбнувшись добродушной улыбкой, все продолжала она стоять на своем.

— Да, спасибо, от кружки горячего я не откажусь. Вы очень добры... Извините, а как Вас зовут?

— Мария, можно просто Маша. — Все с той же улыбкой говорила девушка.

— Меня Виктор Романович, просто Виктор.

— Очень приятно познакомиться.

— Мне тоже, хотя и не из лучших сейчас ситуация...

— Все будет хорошо. То что он выжил — просто чудо, а чудеса просто так не случаются. Уверяю Вас, скоро он пойдет на поправку. А теперь, пойдемте со мной в ординаторскую, выпьем чаю, и если Вы хотите поговорить — буду рада Вас выслушать. — С этими словами девушка сделала шаг в сторону выхода и жестом позвала мужчину за собой. Не двигаясь с места, Виктор ответил:

— Не хочу Вас обидеть, но у меня нет настроения разговаривать с кем-либо.

— Да бросьте Вы. — Очень мягко ответила Маша. — За эти двое суток Вы одни находились в палате, и быть не может, чтобы Вы не хотели с кем-то поделиться своими переживаниями, волнениями... страхами. За меня не беспокойтесь, я

очень серьезно отношусь к таким вещам и хорошо умею хранить секреты. Я просто хочу Вам помочь.

«Помочь» — эхом отозвалось в голове Виктора, словно бальзам по душе. Медленно поднимаясь с маленького стульчика, он на миг почувствовал слабость и был готов рассказать незнакомой медсестре все, о чем только знал. Она попала в точку, сказав, что ему нужно с кем-то поговорить. Виктору это было необходимо или он просто сломается и сойдет с ума. Когда он в последний раз разговаривал с кем-нибудь, кроме Филиппа, да старого наставника Геннадия, по душам, вспомнить был не в состоянии. Месяц назад, два, год... да и они мужчины, а мужчинам перед мужчинами плакать не принято. Даже когда сильно хочется. К тому же, как говорят, перед незнакомцами куда проще раскрыть свою душу, ведь незнакомец видит и знает тебя именно таким, какой ты в данный момент и нет смысла пытаться быть другим. Шли до ординаторской молча и Виктор размышлял: «А ведь и вправду, такая простая и обыденная мелочь, как беседа с человеком, может спасти от безумия. Того безумия, что так жаждет принять меня в своих объятиях, поглотить меня целиком и избавить от боли и моих страданий...» — дойдя до ординаторской, Виктор попытался выкинуть из головы жалостливые мысли. Они ему не нужны и он их просто призралил.

Как, собственно, и себя в такие моменты. Войдя вовнутрь, Мария по-хозяйски усадила мужчину за маленький журнальный столик и принялась заваривать чай.

— Вы с сахаром пьете? — разливая напиток, спросила Мария.

— Да, две ложки, пожалуйста. — В пустоту ответил мужчина, до конца не понимая, почему он все-таки сюда пришел.

— Так что на счет пряников?

— Что? А нет, спасибо, просто чай. — И только сейчас Виктор разглядел, что она была за человек. На вид около 22–24 лет, видимо, недавно закончившая университет, не высокого роста, стройная, даже тоненькая, словно тростинка, светлые волосы средней длины, светлое и ясное личико, большие, голубые глаза. Если верить высказыванию, что глаза — зеркало души, то она, безусловно, была ангел. Это была не совсем обычная девушка. Вернее сказать, наоборот, по-другому. Это была самая обычная девушка из мечтаний юного романтика. Вроде бы и ничего особенного, но одновременно совершенная своей простотой. Такая, как люди сами себе воображают из прочитанных книг. С глазами, в которых отчетливо читалась верность, нравственность, целомудрие. Во всем. Верная в своих по-настоящему чистых убеждениях к своему главному

делу — нести людям свет. По-доброму наивная, что могло создать о ней ошибочное мнение, будто бы она глупая и недалекая. Но все эти опасения могли быть не больше воображения уставшего человека, забывшего, что мы должны быть именно такими: честными, открытыми, верными. Она была той, для которой материальные ценности не имели цены как таковой. В общем — это как раз та девушка, о которой многие мечтают и одновременно бегут без оглядки. Что нас заставляет бояться — не понятно. Быть может чувство навязанного страха, что с ней нам будет скучно. Жизнь потеряет краски и превратится в рутинную однообразность. Или же стыд, что мы можем испортить, разрушить такую чистейшую красоту. Не уверен. Одно я знаю точно: убегая от такого человека — мы совершаем огромную, а может главную ошибку своей жизни.

Очнувшись от размышлений, Виктор обнаружил у себя перед носом кружку с чаем, которую держала улыбающаяся Мария. Взяв кружку, он приступил не спеша пить из нее. При первом глотке мужчина ощутил прилив сил, словно пробудился ото сна. Он даже подумал, словно Маша физически через простой чай передала чуточку своей доброты. Ум просветился и в это же время дал о себе знать и голод. Мария, словно почувствовала это, молча протянула ему тарелку с пряниками — Виктор уже не отказывался. За время

чаепития, он все думал, что от него нужно медсестре. Почему она так добра к нему, так заботлива. Искренне ли она или же что-то скрывает. Жизнь научила его, что не стоит полагаться на первое впечатление о человеке и уж тем более раскрываться перед ним. О да, его жизнь была отличным учителем. Но способным ли он был учеником?

Мария так же размышляла и пыталась угадать, что же он за человек такой. Кто он, её сегодняшний собеседник. На вид мужчина лет пятидесяти, брюнет с проседью, с симметричным лицом и небольшой щетиной на нем. Правильные черты лица с «грустными» карими глазами, создавали образ благородного человека. Но что скрывается за его стеклянными глазами, о чем он думает? Сама не понимая почему, она страстно желала ему помочь, что ее толкало на это — не известно, но была уверенность, что так будет правильно. Она не выделяла его, как кого-то особенного, Виктор просто оказался очередным в её негласном списке людей, нуждающихся в ней. Да даже и не в ней, просто в человеке, который способен увидеть и разделить чужую боль, а она же просто оказалась рядом. И девушку не пугало, что Виктор может оказаться одним из тех подлецов, что уже встречались ранее, не способных распознать чистоту ее помыслов. Те, что после бесед с ней

пытались либо обокрасть, либо обвинить в чем-либо или же воспринимали её инициативу помочь как флирт и позволяли себе лишнего. При воспоминании о последнем, Маша невольно впала в краску, так как даже мысли об этом заставляли ее краснеть. Но все же нет, ее не пугало быть непонятой, так как еще с раннего детства она отличалась от своих сверстников и частенько оказывалась белой вороной в обществе. Погруженная в размышления, Мария и не заметила, как чаепитие подошло к концу, а Виктор же не заметил, как уснул. Маша была рада, что опечаленный отец сможет отдохнуть и набраться сил. Укрыв его своим пледом, она направилась в коридор заниматься делами.

— Ох, Вы уже проснулись! Вообще-то здесь нельзя находиться посторонним и тем более спать. — Пролетел совсем еще молодой юнец. — Но я не сдам Вас, я знаю кто Вы. Подняв глаза, интерн начал рассуждать уже как бы сам с собой. — А если я Вас знаю, то Вы и не посторонний получается и ничего не нарушили? Интересно...

Не дав закончить рассуждений молодого мыслителя, Виктор поднялся со своего места ночлега и направился в палату сына. По дороге он вспомнил, что вчера было: палата, девушка-медсестра, чай и все. Вместе с чувством стыда, за то, что бросил сына одного, он ощутил и порцию гнева. Гнева, не понятного ему самому. Что его злило? Добродушная и весьма странная девушка-медсестра, сам себя со своим бессилием, надоедливая и тяжелая атмосфера больницы в целом или же молодой выскочка-интерн? А может быть все вместе? Или же ничего из этого, а что-то другое. Что-то то, в чем он сам себе и не признавался. Но это, в принципе, было и не важно. Сейчас он хотел понять, кто же эта девушка Маша. Почему она так добра к нему. По доброте душевной или ей нужно от него что-то? Был бы он простым работягой — было бы проще разобраться, но он ведь далеко не прост и многие его знают.

Наследник огромной финансовой империи, доставшаяся ему по наследству от отца. Не скромно богат и одновременно скромен по своей натуре, но научившиеся хорошо разбираться в людях. По его опыту в людях, в своей основе, одинаковых с весьма скромным списком таких «талантов», как алчность, трусость, гордыня и далее по списку. Но были ведь и другие. Хоть и не много, как его отец или же Филипп, давний друг, со своей чистотой и простотой перевешивал тысячу мерзавцев. Да, Филипп был один на миллион... а что если еще раз повезло и ему снова встретился такой человек? Вряд ли, но проверить можно. Вернувшись в палату, Виктор не обнаружил никаких изменений. Все так же безжизненно лежит его сын, все те же белые стены, те же раздражительные звуки от множества приборов, все та же угнетающая, убивающая его обстановка. Присев на свое место, взглянул на наручные часы. 9 часов утра. Как раз время обхода врача и, заодно, он сможет еще раз увидеть эту девушку. Может на утро у него получше получится разглядеть и хоть не много разгадать этого человека. Спустя 10 минут как пришел сам Виктор, в палату все-таки зашел лечащий врач его сына с другой медсестрой. Увидев Виктора, доктор быстро и еле заметно кивнул ему, при этом, ни сказав ни слова, подошел к аппаратуре. Наблюдая за показаниями

оборудования, доктор нервно что-то помечал в своей папке, затем так же быстро, как и вошел, развернулся, и собрался было уходить.

— Вы можете мне сказать что-нибудь новое? Что с ним, как он? Только будьте со мной честны. Чего мне ждать, доктор? — Спокойным и одновременно натянутым тоном спросил Виктор.

— Пока ничего нового. Его состояние так же тяжелое, но стабильное. Хуже, по крайней мере, ему не должно быть. Единственное, раз уж Вы хотите, чтобы я был честным с Вами, тогда я Вам рекомендую хотя бы ночевать у себя дома. У нас, знаете ли, здесь не принят для бездомных и мне не особо льстит, что, приходя на работу, я замечаю спящего, небритого и вообще не пойми кого на месте, где лежат мои личные вещи и, в конце концов, я сам там отдыхаю. — Эти слова задели Виктора. Сегодня уже третий день, как он находится в больнице и, конечно, его вид и состояние отличались от его статуса.

— Простите меня доктор, но и поймите... — Не дав закончить, врач его перебил.

— Что значить поймите? Что значить поймите!? У меня было уже тысяча пациентов и что? Каждого прикажите мне понимать? А еще их дети, жены, мужья, родители, друзья... может мне всех и каждого прощать и понимать? Нет уж, извините, меня на всех не хватит. С сегодняшнего

дня, Вам будет позволено находиться здесь только в часы приема и с моего личного разрешения. Даю Вам полчаса, чтобы удалиться или я вызову охрану. — С этими словами доктор развернулся в сторону выхода, но Виктор с силой схватил его за руку, не дав уйти и тихим, гневным голосом ответил:

— Считайте, что Вы здесь больше не работаете. Более того, в этой стране Вы больше не сможете работать с людьми.

— Что Вы себе позволяете!? Да ты вообще сюда больше не попадешь, псих ненормальный! — Но Виктор его уже не слушал, выйдя из палаты, он уже шел по коридору в сторону лифта, достал из кармана пиджака телефон и совершил звонок.

— Анатолий, машину к больнице. — Коротко, продолжая злиться, отдал приказ Виктор.

— Здравствуйте, шеф! Так я Вас здесь и жду с того самого дня. Вы же приказали не отъезжать. — Покладистым голосом ответил водитель.

— Отлично. — И Виктор бросил трубку.

— Виктор Романович, извините, подождите! — Догоняя, пролепетала молоденькая, симпатичная медсестра. — Простите Глеба Валентиновича, сама не знаю, что с ним сегодня, обычно он не такой.

Не ответив на просьбу, Виктор задал вопрос.

— Вчера была Ваша коллега, Мария. Она

сегодня не работает?

— Нет, сегодня я буду наблюдать за Вашим сыном, а она после суток, завтра будет.

— Это она меня пригласила в ординаторскую, а я сам и не заметил, как уснул. Приношу свои извинения. То есть, я не обвиняю ее, просто хочу объяснить, что я не без разрешения там оказался.

— Ну что Вы, мне-то совсем и не жалко, да и Глеб Валентинович не стал бы так грубить, я его давно знаю, видимо, у него что-то стряслось.

— Поверьте, не у него одного сегодня тяжелый день. К тому же он должен понимать, что работает в частной клинике и получает за свою работу мои деньги! — Сказал Виктор больше, чем хотел.

— Понимаю, но все же прошу Вас, не злитесь на него. Я знаю кто Вы, а он нет, вот он и...

— Это ничего не меняет. Здесь я обычный отец, у которого чуть не умер сын и я не хочу, чтобы кто-либо еще на моем месте мог ощутить подобный прием. А теперь простите, мне нужно домой, Вы же сами слышали, меня уже за бездомного принимают. Всего доброго.

Выйдя из больницы, не замечая ни прохожих людей, ни поющих птиц, что обычно радовали посетителей больницы, он быстрым шагом прошел мимо небольшого больничного сквера. Машина оказалась на том же месте, что и в день трагедии,

когда Виктор сразу же и приехал узнать, что же произошло с его сыном. Личный водитель Анатолий уже ждал его с открытой задней дверью автомобиля.

— Я поеду спереди. — Поставил перед фактом хозяин машины.

Сев в свой автомобиль бизнес класса, Виктор невольно глянул на спидометр. Машина без него не проехала и километра. Еле заметно улыбнувшись, он похвалил про себя шофера и устало сказал: «Домой».

Был солнечный ноябрьский день. Виктор достал телефон, набрал номер.

— Алло. Геннадий Юрьевич, здравствуйте. — Поприветствовал Виктор юриста его бизнес империи и по сути являющегося его «правой рукой». Нужно сказать, что Виктор за долгое время смог полюбить его, как родного отца.

— Здравствуй, Витенька, слушаю тебя.

— Не могли бы Вы подъехать сегодня ко мне домой к часу дня?

— Да, конечно, я буду.

— Спасибо.

Быстро, без пробок, выехав из Москвы, машина Виктора въехала в закрытый поселок, в котором проживала половина всей бизнес и политической элиты нашего государства. Представителей культуры же практически не

находилось, так как у жрецов прекрасного попусту не хватало на это денег. Хотя и у политиков, чьи официальные доходы открыты обществу, в принципе, денег не должно было бы хватать, но они такие мастера убеждений, что каким-то образом им всё же удавалось договориться и приобрести здесь заветное жильё. Проезжая, Виктор и не смотрел на эти все здоровенные дворцы за высокими заборами.

Двухэтажный дом Виктора находился на отшибе всего жилого комплекса и выделялся своими относительно малыми габаритами, совсем не страшным забором и отсутствием всякого рода архитектурных сооружений, от классических мраморных статуй и заканчивая так называемым «современным искусством», которые встречались почти во всех домах соседей. На переднем плане был так же маленький домик, в котором проживали служащие. По периметру были расставлены камеры, хоть что они пишут, уже давно никто и не смотрел. Виктор отказался от охраны и их услуг уже давно. За себя он не боялся — просто устал от этого. На заднем дворе был расположен не большой навесик, в котором Виктор любил сидеть по вечерам и размышлять, грустить и вспоминать о прошлом. Несколько елочек, небольшая баня да бассейн — вот и все, что представлял собой двор Кротова, который он отстроил вновь таким, каким перешел ему в наследство. Менять он ничего не

собирался.

Половина одиннадцатого. Приехав раньше назначенной встречи с Геннадием, Виктор использовал оставшееся время, чтобы привести себя в порядок. Геннадий был пунктуальный человек и в этот раз он не опоздал.

— Здравствуй, Витенька. — Первым поприветствовал милый старичок в солидном сером деловом костюме.

— Здравствуй. — В отличии от Геннадия, Виктор не улыбался. — Я по делу. Суть в том, что я хочу, чтобы у моего сына был другой врач, а нынешний перестал быть врачом вообще.

— Интересно, а что именно стряслось, ты мне не расскажешь, так? — Не теряя добродушного вида, спрашивал Геннадий Юрьевич. — Да и я узнавал, что Глеб Валентинович — отличный доктор! Редкостный мастер своего дела, я бы сказал.

— Не настолько, как ты себе представил. И да — вдаваться в подробности мы не станем.

— Ну что же, я выполню твою просьбу, но только завтра, а сегодня у тебя еще есть время передумать. Как-никак, мы собираемся сломать человеку карьеру.

Последние слова Виктор Романович пропустил мимо. Ведь как выразился сам Глеб Валентинович: «Зачем кому-то вообще кого-то

понимать?». Закончив беседу со своим другом и наставником, опечаленный отец вернулся в больницу. Добравшись до отдельной палаты его сына, он застал там и вчерашнюю девушку-медсестру.

— Мне сказали, что Вас сегодня не будет. — Вместо приветствия сказал удивленный Виктор.

— Да, у меня сегодня выходной, но Аня, вторая медсестра, попросила отработать сегодня вместо нее. — Так же без приветствия отчиталась девушка.

— Что-то случилось?

— Честно, я не знаю подробностей, но слышала, что у Глеба Валентиновича случилось какое-то несчастье. Вроде жена от него ушла и забрала детей, а Аня любит его как отца. Дело еще в том, что у нашего доктора когда-то давно были проблемы с алкоголем и Аня переживает, что он может сорваться. Вот и отправилась к нему на поддержку. «Скоро у него будут проблемы не только с алкоголем» — Подумал про себя Виктор. — Понимаете, он для Ани как отец. Ее родители погибли в автокатастрофе, и он делал все, чтобы бедняжка не сошла с ума, а его жена крайне ревнивая женщина. Вот, собственно, такие дела. Ах, и простите, что не разбудила Вас. У меня просто не хватило смелости.

— Ну что Вы, не стоит извиняться. Я сам

виноват. — Виктор и впрямь не держал зла на девушку, так как считал, что всегда и во всем нужно искать причину внутри себя.

— Вы, кажется, хотели вчера поговорить? Я уже все закончила и с радостью выслушаю Вас. К тому же и Вашему сыну будет приятно услышать Ваш голос.

— Мой сын в коме. Он ничего не слышит и не понимает. — Без особой неприязни сказал мужчина, что думал.

— Не стоит недооценивать родственные чувства. — Эти слова задели Виктора. Уж его в этом упрекать не стоит. Но ведь девушка права, здесь он проявил бестактность.

— Даже и не знаю с чего начать. — Неуверенно сказал Виктор, не решившись еще до конца. — Вообще, очень трудно говорить о чем-либо, думать в такой ситуации. Я взрослый мужчина и нахожусь сейчас в палате моего последнего сына. Сына, который может не проснуться.

— Не нужно так говорить. — Перебила девушка, тем самым смутив Виктора Кротова. — Вы забыли? Я же вчера Вам говорила о том, что чудеса просто так не случаются. Но и даже чудесам нужна поддержка — верти в них!

— Да, Вы правы. — Виктор широко улыбнулся. Он никак не мог ожидать столь

требовательного тона, от столь милой и юной девушки. Правда улыбка его тут же спала. — но вся эта больничная атмосфера, давящая на тебя, заставляет осознать, что ты беспомощен и никак не можешь повлиять на ситуацию. Тебе не могут помочь ни твои деньги, ни связи, ни жизненный опыт... белые стены, белый потолок, все эти вокруг непонятные приборы с десятков трубок, которые впиваются в тело моего мальчика, а он даже и не чувствует их. Он не знает где он находится, он не видит... — Последовала пауза — «как его отец плачет у его больничной койки» — Подумал, но не осмелился сказать он в слух. — И это неспроста. Это моя вина. У меня было отнято все самое дорогое! Кроме моего последнего сына — вся моя жизнь ни стоит ничего. Я остался один, рядом с сыном, за судьбу которого не берется говорить ни один врач. И вот я стою и собираюсь все Вам рассказать. Вам, человеку, которого и не знаю вовсе. Но что-то внутри меня подсказывает, что я просто должен Вам все рассказать. Нелепица какая-то... — После Виктор перевел взгляд на своего сына и продолжил. — Если ты слышишь меня, сынок, прошу тебя, не делай поспешных выводов... не отрекайся от меня. Знай, что так, как я себя ненавижу, меня ненавидеть не может никто. Ни один год я мечтал о смерти, я перешел с ней на «ты» и жаждал, что она заберет меня в свои

объятья. Я просил, я молил, но у нее были свои планы. Жуткие и очень жестокие. В конечном итоге она полюбила меня и сопровождала повсюду. Где бы я ни делал шаг, костлявая тут же устраивала свой бал. Все, что мне было дорого — она забирала себе. — Снова пауза — мужчина явно о чем-то задумался, а девушка и не думала перебивать и уж тем более переспрашивать о странных словах ее собеседника. Но когда пауза затянулась на достаточно длительный срок, ей все же пришлось спросить.

— Все нормально?

— Да. Простите, мне нужно сделать телефонный звонок. — Виктор Кротов набрал номер Геннадия Юрьевича и сказал, что его утренняя просьба отменяется. Конечно, он чувствовал неудобства от такого решения, ведь он дал доктору слова, что тот уже не будет работать. Но с другой стороны, разве слово стоит судьбы человека? Человека, который просто вспылит, а не сделал зло по умыслу. После, Виктор, погруженный в объятья своих воспоминаний, начал рассказывать свою историю. У него не было желания что-либо приукрасить или скрыть, напротив, он воспринимал все словно исповедь. Перед Марией, он был словно грешник, исповедующийся перед священником. И он понимал, что для того, чтобы действительно был толк во всем его рассказе, он должен раскрыться

полностью, освободится ото всех своих страхов, переживаний, всех демонов, что разрывали его душу в клочья на протяжении долгих, мучительных лет. И только тогда он, возможно, станет свободным и обретет покой. Только тогда он сможет себя простить. И эта удивительная, добрейшей души девушка, как нельзя лучше подходила для его откровения. И дело было вовсе не в ее ангельской внешности, вовсе нет. За свои годы, Виктор уже не раз убеждался, что внешность весьма обманчива. И хоть он не мог знать наверняка, но чувствовал, что она его понимает; она способна разглядеть и познать все то, о чем он говорит; она сумеет прочесть между строк. А раз так, то, несомненно, эта маленькая, хрупкая девочка, с большими глазами ребенка, повидала в жизни много больше, чем должна была.

Глава II. Воспоминания

Воспоминания из детства. Ну правда, что может быть лучше для человека, которого жестоко потрепала жизнь? Ведь погружаясь в те славные, добрые и чистые деньки, что ребенок переживает в полноценной и любящей семье, как путешествие в сказку. Другой мир, где нет зла и фальши. Где человек окружен заботой и настоящей любовью. Спустя годы понимаешь, что в том далеком мире

было то самое чудесное в жизни и лучше уже не будет. Будет что-то хорошее, прекрасное и даже волшебное, но именно лучше — нет. А все те проблемы и трудности, что возникали у еще маленького ребенка — лишь суета. Да и о чем плохом можно вспомнить, если у тебя была действительно крепкая и дружная семья? Даже шутки старшего брата Юрия, которые казались жестокими и не честными, сейчас, спустя много времени, у нашего героя вызывают одно лишь умиление. Кроме старшего брата у Виктора был еще брат Дима, сестра Ксюша и, конечно, мама с папой. Все без исключения были люди порядочные и все благодаря заботе и воспитанию родителей. Главу семейства звали Роман Александрович Кротов. Парадоксально, но владея огромным состоянием, которое сколачивалась целыми поколениями, он оставался человеком скромным, не любившим пафос и роскошь. Словом — человек чести и воплощения благородства. Сразу хотелось бы отметить, что свои взгляды он так и не смог передать в полной мере своим детям. По крайней мере, не всем...

Несомненно, Виктор мог бы все изложить как нужно, однако, ввиду понятных причин, он не мог знать о происходящем с другими людьми, что в итоге внесли свою лепту в его судьбе и вот поэтому, да и не только, рассказ буду вести я —

ваш покорный слуга, а не сам Виктор.

Итак, все дети семейства Кротовых учились в элитной школе, где практически все обитатели были обеспеченны и прямо-таки избалованные, поэтому, дабы избежать подобного у своих отпрысков, Роман Александрович всегда пресекал у своих детей проявление высокомерия и любви к деньгам в целом.

Однажды Дмитрий, один из старших братьев Виктора, отказался от своего товарища. Ребенок был сыном школьного учителя и из-за того, что он не был богат, а в школе оказался только благодаря положению его отца, Дима решил не вести с ним дружбу. Ведь над маленьким Володей, (так звали малыша) многие дети смеялись и недолюбливали от того, что недолюбливали его отца — строгого, но не богатого учителя. Узнав об этом, Роман Александрович собрал всех членов семьи, дабы обсудить сложившуюся ситуацию.

— Думаешь в деньгах счастье? — Вспоминал Виктор слова отца. — Тогда, будь добр, назови мне хоть одного человека, который готов умереть за деньги?! — Говорил он строго и не давал Диме поблажку на юный возраст, которому тогда было всего десять, а младшему Вите и того меньше — шесть.

— Дорогой, может не нужно сразу вот так вот говорить о смерти. — Пыталась защитить своего

сына Надежда Алексеевна. Женщина, схожая по характеру с мужем, но только более мягче и терпимей. Хотя, когда дело касалось ее семьи, она могла круто удивить любого своей стойкостью и бескомпромиссностью. Супруг лишь взглянул на свою жену, и этого было достаточно, чтобы заверить ее в том, что он знает, что делает.

— Что, в голову ничего не лезет?! — Продолжал глава семейства, обращаясь уже ко всем своим детям. — Правильно, ведь мы, люди, готовы жизнь свою отдать лишь только за любовь. Чистую, невинную любовь к женщине, детям, к родителям, другу, Родине, вере, идеологии и так далее. И ничто и никогда не сможет заставить меня усомниться в своих убеждениях! И я очень надеюсь, что вы все уже сейчас можете это понять и принять мои взгляды. И вы поймете, потому что вы — наши дети, а у нас, с вашей мамой, не может быть глупых детей! Запомните! Только за любовь мы можем отдать все. — Все дети внимательно слушали и пытались воспринимать слова как взрослые люди, хоть и не знали, что такое «идеология». Но все же все услышали именно то, что говорил им их отец.

— Я завтра пойду и извинюсь перед Вовой. — Сказал маленький Дима, опустив глаза в пол.

— Это правильное решение. — Одобрительно качая головой, ответил отец. — И никогда не стесняйтесь просить прощения, если вы сердцем

чувствуете, что виноваты. Никогда не бойтесь выглядеть нелепо в таких ситуациях. Мы же с мамой иногда просим у вас прощения?... Ну ладно, думаю, вы хорошо запомните наш разговор, а теперь все дружно идем ужинать!

Потом, спустя три года, произошел забавный случай. Возвратившись домой из школы и не застав родителей дома, которые гостили у друга семейства Геннадия Юрьевича, Юра и Дима отважились на одну шалость. А именно, они решили попробовать алкоголь, который им никто, конечно, раньше не давал. Набравшись смелости, мальчики отправились в семейный погреб, где и выбрали для своего опыта одну из бутылок коньяка. Юре было тогда шестнадцать, поэтому он брал на себя ответственность перед выбором напитка. Ну а тринадцатилетний мальчик Дима полностью полагался на выбор старшего брата и вовсе не возражал. Вите было тогда девять и поэтому братья решили не предлагать и не звать его с собой. Нужно сказать, что к нему всегда было предвзятое отношение, ведь он был самым младшим в семье. Даже с сестренкой они чаще делились своими планами, чем с ним. Вернувшись поздно домой, родители хотели было пройтись по комнатам своих детей и лишний раз удостовериться, что с ними все в порядке. Но Димы и Юры не было в своих комнатах. Начались поиски, и взволнованная мать

уже было собралась вызывать полицию, как маленькая Ксюша случайно обнаружила своих братьев. Проходя мимо двери ведущей в погреб, девочка услышала странный звук, похожий на рев дикого зверя. Испугавшись, девочка позвала папу, чтобы тот проверил, что же в погребе происходит. Но так как папа сам был весьма нетрезв после вечера у друга, в погреб спустилась мама. Роман Александрович уже тогда понимал, что произошло и спокойно стоял около двери, широко улыбаясь. Обнаружив своих детей пьяными в погребе, Надежда Алексеевна сразу успокоилась, а потом разозлилась на столь глупый поступок ее сыновей. Шкодники лежали и мирно спали, причем тот факт, что им обоим было плохо, и они образовали около себя две небольших лужи из содержимого желудков, никак не приводил их в чувства. В отличие от маминых несильных, но весьма звонких пощечин, которые сразу прояснили им рассудки. Вскоре мальчики уже поднимались на верх, подгоняемые своей не на шутку разгорячившийся матерью. Увидев своего отца, ребята остановились и начали прятать свои стыдливые глаза.

— Эх, ребятки. Вы хоть понимаете, что вы сделали? — Продолжая улыбаться, спрашивал отец. Ребятки не могли что-либо внятно объяснить и кроме бурчания у них ничего не выходило. — Не страшно, что вы тайком напились, пока нас не было

дома. Рано или поздно такое происходит у всех. Страшно то, что вы заставили переживать свою маму. Да и меня ведь тоже! Ладно, ступайте и умойтесь, приведите себя в порядок, а затем отправляйтесь спать. Завтра будем разговаривать! — Подытожил отец и все стали расходиться.

— Постой, Витя. — Роман Александрович жестом велел подойти поближе самому младшему сыну. — Пойдем со мной на кухню. — Мальчик послушно последовал за отцом. — А тебя что, они не позвали с собой?

— Нет, папа. Они со мной не очень дружат, потому что я еще маленький. — Честно признался Витя. В детстве он всегда любил поговорить со своим папой, даже в редких случаях, когда от него сильно пахло тем же, чем и от его братьев в тот вечер.

— Ничего Витя, это скоро пройдет. На самом деле они с тобой не очень дружат не потому, что ты маленький, а потому, что это они еще не повзростели и не понимают многого. — Ребенок внимательно слушал папу, хоть и не понимал толком, что тот ему говорит. — Видишь, сегодня твой папка тоже напился и мне стыдно сейчас сидеть здесь перед тобой. Но что поделать, я же так люблю тебя!

— Я тоже люблю тебя, папа.

— Я знаю, сынок. — Папа замолчал и стал закрывать глаза. Чуть после подошла мама и предложила мужу тоже отправляться в постель, на что тот ответил отказом, ведь ему еще нужно поговорить с сыном. Никто не возражал, так как Надежда Алексеевна была уверена в своем муже и в том, что он в любом состоянии не сможет навредить их детям. Ни словом, ни поступком.

— Вот знаешь, почему мы, взрослые, иногда выпиваем? Ведь все знают, что это вредно, но все равно — мы выпиваем! — После ухода супруги, начал говорить отец сыну.

— Нет, не знаю.

— Я вот тоже не знаю как у всех, но думаю, что догадался, почему выпиваю я. — Громко и весьма забавно икнув, отец продолжил. — Дело в том, что я простой человек со своими недостатками и слабостями. Одна из этих моих слабостей — это недостаток любви. То есть, понимаешь, я хочу людей любить больше, хочу приносить им добро, но часто у меня это не выходит. Кто-то когда-то меня обидел, кто-то сделал не хороший поступок и мне трудно относиться к ним хорошо. А вот когда я немного выпью с дядей Геной — я забываю о своих обидах и чувствую, что становлюсь лучше! Понимаешь, каждый раз, вот прям каждый раз у меня так! Только вот есть проблема. — Роман Александрович эмоционально покрутил из стороны

в сторону своей хмельной головой. — Проблема в том, что это лишь видимость. Иллюзия и лучше я не стал. Более того, тогда уже и не я вовсе и на следующий день я это понимаю. То есть, видишь, как выходит: я стремлюсь к хорошему, а выходит все равно плохо. Особенно, когда я или вообще любой человек много выпьет. Тогда он уже и на человека не совсем похож. А на утро, знаешь, как стыдно бывает? О-о-о-о, ужасно стыдно! И вроде ничего ведь плохого не сделал, ну подумаешь, выпил с друзьями, но душа-то все знает и понимает! Ее не проведешь, вот она через совесть и подсказывает, что это — гиблое дело.

— Тогда зачем же ты потом опять пьешь, папа? — Ничего толком не понимающий из сказанного, спросил маленький мальчик.

— Так хочется же быть лучше! Хочется же... ну ладно, сынок. Давай отправляйся в свою кроватку — завтра рано вставать. Я хочу более наглядно всем вам показать, что такое пьянство!

Маленький Витя послушно выполнил папин указ и отправился в свою комнату. Вдогонку Роман Александрович еще раз обратился к своему младшему сыну.

— Сынок... я горжусь тобой. Просто знай об этом. — А после, подмигнув, папа еще раз отправил сына в постель, пока в его голове не появилось еще чего сказать.

Перед сном, Витя все думал о том, что сказал ему отец и не мог понять: зачем папа хочет быть лучше, если он и так самый лучший?

Раним утром, как и обещал, глава семейства всех поднял с кровати и велел собираться с ним на прогулку. Мама стала просить смириться над детьми, ведь после вчерашнего опыта они явно чувствовали себя прескверно.

— Так в этом же и суть, милая моя! К тому же, я ведь тоже вчера выпил, так что все честно! Преподав урок им — я преподам урок и себе. — Таков был ответ Романа Александровича. К слову сказать, вид у вчерашних шкодников был и правда паршивым: у них явно жутко болела голова и к тому же, было видно, что их до сих пор подташнивает. Зато Витя и Ксюша были очень веселы и радовались очередному приключению. Посадив всех детей в машину и сам усевшись рядом с ними, глава семьи попросил своего личного шафера отвезти их всех на площадь «Трех вокзалов», что почти в центре Москвы. Юра с Димой тогда перепугались, что папа решил наказать их и увезти неизвестно куда. Но все оказалось иначе. Роман Александрович решил показать на примере, что бывает с людьми, которые много пьют. Проводя их по самым злачным местам, где бездомные от пьянства и безысходности доводили себя до того, что даже не стеснялись

ходить под себя в туалет, отец говорил.

— Посмотрите на этих несчастных людей. Конечно, мы не знаем, что довело их до такой жизни, но в одном я уверен: если вы будете много пить, то рано или поздно станете такими же! Запомните их лица, запомните на всю жизнь! — Детям, особенно младшим Вите и Ксюше, было тяжело смотреть на бездомных людей и, возможно, это было даже жестоко для их маленьких, не окрепших сердец, но они все как один запомнили этот урок и больше отец никогда и никого из своих детей не видел пьяных до беспамятства.

Конечно, было еще множество примеров воспитания, но, думаю, все их перечислять не стоит. Ведь уже всем стало ясно, какая атмосфера царила в семействе Кротовых. Единственное, что я не могу обойти, так это еще один случай из жизни деток. Рядом с их домом жил один очень старенький и немощный старичок. Он был беден и обитал в элитном районе только по тому, что эта земля уже очень долго принадлежала его семейству, а продавать дом он даже и не думал. Еще его никто не трогал, потому что его защищал сам Роман Кротов. Ведь если бы не его слово, корыстные люди уже давно нашли бы способ выселить старика. Остальные соседи не понимали в этом Кротова и считали дедушку вообще сумасшедшим. Да, у старика была одна странность:

он абсолютно всем раздавал яблоки со своего сада. Даже когда у дедушки обнаружили рак легких — его это не остановило. И вот однажды он пришел к Кротовым домой со своими яблоками и постучал в дверь. Дверь открыл маленький Витя и толи испугавшись, толи побрезговав, он прогнал старичка, выбросив яблоки у него на глазах. Приехав домой с работы, Роман Александрович увидел сидячего на обочине дедушку, который тихонько плакал. Долгое время старик не хотел рассказывать о случившемся, но все же выложил все, как было. Войдя в дом, глава семейства объявил о начале семейного совета, вместе с собой он привел и соседского дедушку.

— И так, дети, я хочу, чтобы вы все дружно поприветствовали Иннокентия Петровича, нашего доброго соседа. — Все дети хором сказали «здравствуйте», кроме Вити. Он уже понял, что весь сбор из-за него.

— Молодцы. — Похвалив сыновей и дочь, Роман Александрович обратился к маленькому Вите, который стоял отдельно от всех и прятал глаза. — А ты, Витя, ничего не хочешь сказать дедушке?

— Извините меня. Я поступил с Вами нехорошо. — После слов мальчика, на лице старичка образовалась добродушная, беззубая улыбка. Было очевидно — зла он не держит. Глава

семейства снова начал говорить.

— Вот и славно. Спасибо Вам, Иннокентий Петрович, больше я Вас не смею задерживать. — Дедушка поклонился детям и уже собравшись уходить, что-то сказал мужчине на ухо. Роман Александрович выслушал и кивнул в знак согласия.

— Радуйтесь жизни, а не порокам. — Начал вдруг говорить пожилой сосед, обращаясь к детям. — Отпустите страхи и волнения, верти в лучшее, что в вас есть: верти в добро, верьте в любовь, дружбу, и, постепенно, вы сможете по-настоящему верить в себя. В себя таких, какими вы и должны быть. И в этот момент всевозможное зло всего мира не сможет вас сломать! — Закончив речь, старичок раскланялся и отправился на выход, продолжая все так же широко улыбаться. Видимо, дедушка был счастлив, что ему разрешили поговорить с детьми. Оставшись в кругу семьи, отец задал вопрос, обращаясь к детям.

— Как думаете, почему я его позвал? — Повисла тишина и, спустя время, первым решил ответить Витя.

— Для того, чтобы я извинился, за то, что прогнал его и не захотел брать его яблоки.

— Да, это так. Но это не главное. Главное в том, чтобы вы запомнили этого человека, потому что, возможно, лучше его вы уже не встретите. Только подумайте: старый, больной и одинокий

человек, что только и делает, что раздает людям свои яблоки. А ведь он никогда не просил за это денег, не ждал похвалы, он просто хотел поделиться тем, что у него есть. А кроме яблок у него и нет ничего. Он готов отдать последнее, что у него есть, чтобы сделать хоть немного приятное пусть даже не знакомому человеку. Да, он не много странноват, но он уже очень старенький и все мы представить не можем, как ему тяжело собирать свои яблоки. Подумайте об этом — нам всем есть чему у него поучиться!

Так дети и росли: в заботе и нравственном воспитании. Спустя годы, Виктор, вспоминая нравоучения и мировоззрение своих родителей, никак не мог понять: как же они смогли быть такими богатыми и влиятельными людьми? Ведь стараясь видеть в людях хорошее, часто можно быть обманутым. Причем, что не редко, даже самим собой. Хотя, кто сказал, что добрый человек — это человек глупый?

Так же нужно добавить, что в подростковом возрасте Витя переставал и не хотел уже понимать, принимать взгляды своих родителей. Возможно, это связано с тем, что его старшие братья так и не смогли научиться относиться к нему в серьез, а ему этого так не хватало. Лучшим другом Виктора была его сестренка, а он ведь хотел себе друзей таких же мальчишек, как и он: молодых, веселых и богатых.

Поэтому в девятнадцать лет, поступая в один из столичных ВУЗов, Виктор потребовал себе отдельную квартиру, надеясь, что с отдельным жильем он все-таки сумеет обзавестись друзьями. Как ему тогда казалось, так оно и вышло, и он вступил в компанию самого популярного парня университета Егора Двардова. Но, будучи, чувствуя власть и свое высокое положение среди сверстников, этот популярный парень был совсем не такой, как любой из представителей семейства Кротовых. Егор Борисович Двардов, сын очень влиятельного бизнесмена, чье богатство было даже много больше состояния Романа Александровича, вырос совсем не в таких условиях, как Виктор. Его мать умерла, когда ему не было еще и десяти, а отец, Борис Сергеевич, не находил времени для нравственного воспитания сына. Более того, после смерти супруги, мужчина стал черствый и даже жестокий. К тому же, его виденье жизни шло в разрез с виденьем Романа Александровича. Возможно, именно поэтому сын Бориса Сергеевича и стал по примеру отца жестоким, да и чувства абсолютной вседозволенности и безнаказанности подливали масла в огонь. Так в светловолосом и на вид ангельском ребенке с голубыми глазами, легко умещались не лучшие духовные качества. О его проступках боялись говорить исходя из страха перед его отцом. Для более понятного восприятия, я

приведу вам пример из одной из встреч отца и сына Двардовых.

Произошла эта встреча, как раз тогда, когда счастливый Виктор и подружился с Егором. Придя домой под вечер после занятий, Егор просто убивал время в семейном саду, дожидаясь вечера — времени развлечений.

— Егор, тебя отец зовет. — Без приветствий сказал Михаил, начальник безопасности и личный телохранитель Двардова-старшего. Мужчина отталкивающей наружности, с большим, безобразным шрамом на щеке.

— Зачем? — поинтересовался юноша.

— Ты забыл, что за человек твой отец?

— Как же...

Пройдя быстрым шагом сад, Егор намеренно сбавил скорость у входа в дом, делая вид, что любуется узором высокой, увесистой дубовой двери, на вид которая, весила не меньше 200 килограммов, но, как ни странно, легко открывалась.

Приоткрыв немного дверь, юноша спросил у Михаила в полголоса.

— А что ему от меня нужно?

— Ты же знаешь — твой отец не слишком общителен.

Опустив глаза, молодой человек с выдохом сказал:

— С тобой он-то хоть бывает и нормально разговаривает.

Улыбнувшись тонкими губами, Михаил ответил своим обычным грубым басом, нисколько не стараясь говорить тише.

— Тебе не нужно так говорить, он любит тебя одного по-настоящему. Только немного скрывает это. — После этих слов, косо взглянув на Егора, серьезно добавил: «Наверно.»

— Ну а в каком он хоть настроении, может он на что-то намекнул, когда сказал позвать меня?

— К чему расспросы? Если бы твой отец и стал бы со мной откровенничать или хотя бы говорить намеками — я бы оставил это при себе. Иначе, это могло бы не лучшим образом на мне сказаться. Я верный пес своего хозяина.

После этих слов, личный телохранитель Бориса Сергеевича слегка подтолкнул сына своего хозяина, давая понять, что ему уже начинают надоедать эти пустые расспросы трусливого мальчишки, который искренне боялся своего отца, но всячески демонстративно пытался всем доказать обратное. Но Михаил, суровый человек, с врожденной философией служения более сильному духом, видел его насквозь. И от этого относился с презрением к единственному отпрыску своего господина, хоть и довольно-таки искусно скрывал это из уважения к Двардову-старшему. Вообще,

нужно сказать, что глядя на Михаила, невозможно определить, что у него на уме. С одним и тем же выражением лица он может давать похвалу отличившемуся работнику и, ровно с теми же эмоциями, придушить человека голыми руками, если ему будет отдан приказ. «Хладнокровие и самообладание — две сущности одной из не многих добродетелей воина» — так всегда он отвечал на вопросы о его беспристрастия к делу. Хотя, должно признать, посторонние люди вопросы ему задавали не часто. Остальную часть пути, длинный коридор от входа до кабинета Бориса Сергеевича, они шли молча. Ведь Егор, хоть и не на столько, сколько отца, все же опасался приближенного своего родителя и знал: если Михаил не хочет вести диалог (а болтать он никогда не любил), то лучше помолчать. Перед дверью в кабинет, телохранитель остановился, давая понять, что дальше Егору нужно идти самому. Набравшись мужества, парень вошел вовнутрь. Оказавшись внутри кабинета, он не сразу заметил отца. Сам кабинет был весьма просторный, но все-таки находится внутри многим было тяжело. Немного мрачное помещенье, с всегда закрытыми занавесками темно-красного цвета. Слева от входа находилась старинная деревянная вешалка, на которой неизменно всегда висел один лишь пиджак, да в зимнее время шарф хозяина дома. У многих, да и у Егора, она вызывала ассоциации спаленного в

самой преисподней молодого дерева. Если же приходили посетители, они всегда снимали верхнюю одежду еще в коридоре, хоть на этом и не настаивал Борис Сергеевич. Справа располагались доспехи средневекового рыцаря, причем не парадные, а боевые. На них отчетливо можно было рассмотреть вмятины, оставленные неприятелем в бою. Еще одна особенность доспехов заключалась в том, что глазницы полного, закрытого шлема, как будто бы наблюдали за смотрящим на них человеком, под каким углом не оказался бы взгляд наблюдателя. У левой стены расположился масштабный мраморный камин. Многим приходило на ум, что камин и вешалку создавал один и тот же мастер, так как складывалось впечатление, что достали его от туда же, от куда и «спаленное деревце». В длину он был примерно два с половиной метра. Две фигуры полуодетых девушек, со склоненными головами, держали крышку камина в позе древнегреческого титана Атласа. В целом, глядя на этот камин, можно было прямо-таки ощутить силу отчаяния этих скульптур. На самой крышке лежала одна лишь сабля, принадлежавшая какому-то хану «Золотой Орды». Спереди данного творения располагалось массивное кресло из красного дерева, под которым находилась шкура медведя, подстреленного самим хозяином кабинета. С противоположной стороны стоял деревянный

книжный шкаф, коричневого цвета. И, на конец, прям напротив двери, находился трехметровый стол овальной формы. На нем никогда не было ничего лишнего, лишь бумаги, настольная лампа, подставка для ручек и стеклянная пепельница самой обыкновенной формы.

Молодой человек было уже подумал, что отец вышел, пока Михаил его искал, но уже через секунду обнаружил хозяина кабинета в правом углу комнаты, наблюдающего из-за края окна за цветением своего сада. Это был человек немногим более пятидесяти лет. Худощавого телосложения, чуть выше среднего роста, но все же ниже своего сына. Одевался он всегда просто и строго: белая или черная рубашка, серый костюм, черные туфли в сочетании черного ремня. Такую одежду мог себе позволить любой из его работников и подчиненных. Левую руку украшали золотые часы, сделанные ему под заказ в какой-то не известной мастерской, расположенной в самом сердце Швейцарии. Сколько они стоили, не знал никто, так как их владелец не считал нужным кому-либо об этом рассказывать. На безымянном пальце был надет массивный золотой перстень с выгравированной короной Российской Империи, на вершине которой располагался внушительный бриллиант. На правой руке так же присутствовали кольца: простое обручальное и перстень на мизинце, не много

меньше первого, но также выглядевшего солидно. Узором кольца был герб предков Двардовых: лежачий щит, на котором восседал орел. Некоторые считали, что семейство Двардовых когда-то являлось приближенными самого Императора Александра III, но эту информацию Борис Сергеевич не подтверждал, однако, и не опровергал. Практически полностью седые волосы на голове, с не большой залысиной в районе лба. Лицо у него было как у уставшего человека, но всегда гладко выбрито. Небольшой подбородок, тонкие, узкие губы, которые за последние десять лет забыли, что значит улыбаться. Впавшие щеки, множество морщин и среднего размера нос с горбинкой. Особо выделялись темно-карие глаза, глубоко опущенные и словно отделенные от глазниц. Вся их оригинальность заключалась в том, что когда они смотрят на тебя, чувствуется какая-то тяжесть и даже некая враждебность. Причем с кем бы Борис Сергеевич не вел разговор, смотрел он на всех одинаково и, непременно, в глаза. В целом, если судить о его внешности и не брать в расчет немногие аксессуары, то его можно было бы сравнить с самым обыкновенным человеком с улицы. Несмотря на то, что он являлся одним из самых влиятельных и уважаемых во многих кругах людей страны.

— Здравствуй, сын. — Начал Борис

Сергеевич, — Ты догадываешься, для чего я попросил тебя прийти?

— Ну привет. Попросил? Насколько я знаю, последнее, что ты просил, это было согласие маминых родителей на ваш с ней брак, а после их отказа...

— Довольно, еще слово и ты почувствуешь разницу между моей просьбой и приказом. — Все тем же спокойным голосом отец перебил молодого человека. Но этого оказалось вполне достаточно, так как Егор сразу же опустил голову и покорным тоном сказал:

— Нет, папа, я не знаю, для чего ты меня позвал.

— Я хочу, чтобы ты мне рассказал о своих друзьях.

— Ты же сам их прекрасно всех знаешь, это мои одноклассники, дети твоих партнеров или же...

Снова не дав договорить, отец перебивает сына.

— Я имею в виду твоих постоянно новых друзей, про твоих безмозглых бездельников, прожигающих родительское состояние, я знаю достаточно. Расскажи мне, что это за люди, откуда они берутся и куда все-время пропадают.

— Новые друзья? О чем ты? Я, я не понимаю. — Юноша старался говорить четко и быстро, чтобы скрыть начинающую дрожь в голосе.

— Я напомню тебе. Мне стало известно о том, что у тебя стали появляться новые знакомые. В течение недели ты таскаешь их по своим распутным вечеринкам, знакомишь их с такими же дегенератами, как ты сам, покупаешь на мои деньги для них девок, а потом они исчезают, как и из твоего круга друзей, так и вообще из города. Я повторяю вопрос: «Что это за люди и что с ними происходит?»

Вопрос звучал все так же спокойно, но резкий тон давал понять, что Борис не желал долгого диалога. Понимая это, Егор пытался выкрутиться и быстро подобрать те слова, которые удовлетворили бы отца. Бегая глазами по комнате, словно пытаюсь найти подсказку, он не придумал ничего лучшего, как задать встречный вопрос.

— Когда ты прекратишь следить за мной? Я уже не ребенок и мне не нужна твоя горилланянька, которую ты ко мне поставил еще в детства. Небось, это он тебе все докладывает? Каждый мой шаг, каждое слово, что я ел и когда я хожу отлить?

Закурив сигарету, Борис Сергеевич, не спеша, приступил к ответу.

— На счет Фёдора я дал тебе слово, что он будет служить и хранить верность только тебе. И я его держу. Но я так же и не скрываю, что многое знаю о том, что и как с тобой происходит, вплоть до того, как звали бабушку той девки, что ты снял в

субботний вечер. Но все же я хотел бы, чтобы ты мне сам рассказал о происходящем с этими ребятами. А пока ты попытаешься найти в себе силы и смелости все мне честно рассказать, я хочу поведать тебе историю об одной моей крупной сделке. Полтора года я лично вел переговоры с одной некой компанией. Завтра мы должны были подписать договор, в котором четко прописано, что после утверждения я стану абсолютным монополистом в поставках леса на один очень крупный мебельный завод в Италии, а также, по устной договоренности, мой лес через Италию будет доставляться и в другие страны Европы. Эта сделка повысила бы доход нашей семьи примерно на 10 %. Ты хоть можешь себе представить сколько это? Ну да ладно... но вдруг происходят странные обстоятельства: у господина Стефано Поглливи, владельца контрольного пакета акций этого самого итальянского завода внезапно заканчивает жизнь самоубийством его единственный сын, девятнадцатилетний жизнерадостный молодой парень, подающий надежды в живописи. На Родине, в Италии, его ждала молодая девушка, на брак с которой уже дали одобрение родители двух влиятельных европейских семейств. В целом, ничто не предвещало беды. Но она произошла. Мой друг Стефано, узнав о смерти своего наследника, так и не смог справиться с горем и сошел с ума. Ты

когда-нибудь видел, как взрослый, и весьма человек неглупый, сходит с ума? Ему сообщили скорбную весть прямо в моем ресторане, где мы обговаривали последние мелочи. Бедняга вначале не поверил и на эмоциях ударил свою помощницу, которой не посчастливилось стать гонцом дурных вестей. Но не прошло и двух минут, как ему позвонила госпожа Поггливи и, разрывающимся от горя голосом, обвиняла мужа в смерти их мальчика. После услышанного, Стефано обронил телефон, пустил слезу и резко поменялся во взгляде. Сел прямо на пол и с силой стал колотить себя по лицу. Это не прекращалось до того, как его не привязали к носилкам, чтобы он не убил себя. Его жажда самобичевания продолжается до сих пор. Врачи говорят, что разум его оставил, а чувство вины — нет. Кстати, как звали парня?

— Откуда мне знать? Что, я должен помнить всех италяшек Москвы? — Отводя взгляд, невнятно пробурчал светловолосый юноша.

Затушив скуренный окурок, медленно, подчеркивая каждое слово, Борис повторил вопрос. Егор знал, что когда отец быстро курит, он сдерживает себя. Сигарета улетела за минуту.

— Как звали парня?

Понимая, что отец сам знает ответ на свой вопрос, он не стал увиливать и, опустив глаза как провинившийся школьник, тихо ответил.

— Ферро Поггливи.

Подкурив вторую сигарету, Борис продолжил.

— Да, так его звали. — Остановившись на минуту, он пристально всматривался в своего сына, пытаясь найти ответы на все свои вопросы, но, видимо, не сумевши, продолжил говорить.

— Так же у меня есть надежный партнер, занимающийся транспортировкой всей продукции Двардовых: от фургончиков с конфетами и заканчивая танкерами битком набитых углеводородами. И у него так же есть сын. Его зовут Виктор Кротов и до меня доходят сведенья, что он так же ввязался в твою компанию безответственных отморожков, с тобой во главе. А сейчас я хочу получить четкий и ясный ответ на свой, даже для тебя, простой вопрос: «что происходит с этими людьми?» И не вздумай мне говорить, что это совпадение — я в них не верю, особенно, когда в течении года столицу покидают семь детей влиятельных людей, на свою голову нашедших с тобой знакомство, а последний восьмой, иностранец, так вообще, повесился в гостиничном номере. Давай, я жду!

— Я... я... я... я... я...

— Что ты заикаешься, что ты за трус такой, кто тебя трогает? Чего ты боишься? Я в жизни тебя пальцем не тронул!

— Ты... ты не тронул? — Набравшись

смелости, Егор начал говорить более уверенно. Голос его звучал прерывисто, но решительно. Видно он вздумал высказать все своему отцу.

— Ты вспомни, подумай, что ты со мной делал, после смерти мамы! — Откровенно, повысив голос, истерил единственный сын Бориса Сергеевича. — В двенадцать лет ты заставлял смотреть меня, как бойцовые собаки твоих мордovorотов разорвали на куски моего пуделя «Бимбо», которого мне подарила мама!

— Ты должен был понять, что собака должна быть сильной, как и её хозяин. Какой толк вообще от пуделя? — Искренне удивлялся Борис Сергеевич.

— А в четырнадцать заставил наблюдать, как твой любимый головорез Миша отрубил руку парню, за то, что тот пытался украсть сумку с машины, пока его товарищ отвлекал твоего сумасшедшего телохранителя. «Смотри сынок, как нужно поступать с вором» — Комично процитировал сын отца. — А что стало с той девушкой, которая протестовала против того дерьма, что ты творишь в Артике? Она нашла в себе смелости и плюнула тебе в лицо. И что ты с ней сделал, папочка? Я очень хорошо помню ее крики с подвала нашего дома. Вышла ли она оттуда живой? — Все продолжал истерику недовольный сын. — Очень сомневаюсь, ты же Двардов! Человек

из стали! Титан современности! Ты бы не закончил дело на полпути, верно, отец?

— Да, это так. — Швырнув остаток сигареты, еле сдерживая себя, сквозь зубы проскрипел Двардов-старший. — Я дал тебе все: лучшее образование, безбедное и беззаботное детство, тебя тренировал лучший тренер по боксу, который вообще когда-либо жил. Все его ученики были чемпионами, все, кроме тебя! Я купил тебе квартиру, машину. — Нарастающим тоном продолжал отец. — У тебя всегда была куча денег. Да сейчас на тебе одежда, на которую обычный парень будет собирать год! И то, если не будет ни есть, ни спать. И после всего этого ты смеешь критиковать меня? Ты, жалкий беспомощный щенок! Да, я пытался сделать из тебя мужчину, сильного, волевого, достойного продолжателя рода. Достойного своих предков...

— Достойного тебя, ты хочешь сказать? Тебя — Великого?

— Видно это все твоя мать... — Уставшим тоном ответил Борис Сергеевич. — Она слишком была к тебе мягка. И я... я не мог ей противиться в то время. Все ее поблажки к тебе, балование, твоя вседозволенность с раннего детства. Абсолютная безнаказанность сыграли свою роль я уже ничего не смог исправить. Я пытался, но не смог...

— Ох отец, как ты ошибаешься. — Сын не дал

закончить слова отца — Ты мне по сути ничего не дал! Ничего! Я всегда ненавидел бокс. Учился драться лишь для того, чтобы выплескивать на людей свою ненависть к тебе! Я всего добился сам! Сам, слышишь? — Двардов-старший продолжал молча смотреть прямо в глаза своему сыну, но так и не издал ни звука. Почувствовав уверенность в себе, Егор продолжил еще громче, еще более дерзко. — Я собрал вокруг себя людей, которые слушают меня, подчиняются мне! Я — главный! Я — лидер! Я всегда и везде первый, я сплю с лучшими женщинами, мне рады на любой вечеринке, меня даже в полиции не трогают, потому что знают кто я! Все знают кто такой Егор Двардов! И не смей мне говорить о матери! Ты с ней рядом не...

— Хватит! — Гневно проревел Борис Сергеевич. Впервые за всю жизнь Егор услышал крик отца. Крик, полный ненависти и отвращения. Крик, прошедший мурашками по всему телу, пронзив самую его душу. И в этот самый момент он понял, что зашел слишком далеко. Но было уже поздно... Медленно поднимаясь со своего кресла, Борис Сергеевич направился к своему сыну говоря:

— Ты — ничтожество, возомнившее себя Богом! Все твои успехи, все твои победы, все твои мнимые достижения — лишь тень моего авторитета. Тебя уважают, потому что знают, чей

ты сын! Тебя бояться, ведь понимают, что если обидят — я отомщу. Тебе все можно, так как в тебе течет моя, слышишь, моя кровь! Ты ничто без моей фамилии. Ничто, ноль! И я тебе это докажу. Отныне, я лишаю тебя всего, что тебе было дано с рождения. Я лишаю тебя денег, забираю квартиру, машину. Все! Теперь ты будешь самый обыкновенный сопляк, ломающий голову, где ему заработать копейку, чтобы купить себе пожрать, где переночевать и как вообще выжить в этом мире.

Последние слова Егор так и не услышал. Страх одолел его, отозвавшись в дергающихся руках и дрожащих коленях. Всё его естество кричало ему: «Беги», пот, стекающий со лба, попадал в глаза и мешал нормально видеть. Теперь он стоял как вкопанный, до смерти перепуганный и не мог нормально разглядеть отца, который в упор приблизился к нему. «Беги» — отозвалось в голове. И он побежал, быстро развернувшись, он направился к выходу. Открывая дверь, перепуганный мальчишка где-то отдаленно, словно под водой, услышал голос того, от кого, собственно, и бежал: «Михаил! Держи его!» Выскочив в коридор, Егор направился к спасительной входной двери. Куда он вообще бежал, зачем и почему, он понять не мог, он просто чувствовал, что дальше говорить не нужно, что это опасно и это страшно. Страх перед родным отцом

помутнил его разум, как вдруг он почувствовал, как сильная рука, удушая его, схватила за воротник рубашки. Падая на пол, он понял, насколько тщетным и бессмысленным был его побег. Больно ударившись об пол, он, наконец, пришел в себя и паника отступила. Михаил резко, но аккуратно, поднял его на ноги и глаза молодого человека встретились с испепеляющим взглядом отца. Слезы поступили из его глаз, но это особо не подействовало. Отец, грубо схватив рукой за щеки сына, начал уже спокойно говорить.

— Мы не закончили. — И с этими словами вlepил две звонкие пощечины, по удару на каждую сторону.

— Нет!..НЕТ!.. я ничего не знаю, я не понимаю о чем ты говоришь... Я... я не знаю, что случилось с Ферро, я не трогал его... мы просто гуляли, выпивали и веселились, а потом он исчез. — Плача и пряча лицо руками, кричал перепуганный мальчишка.

— Я ни знаю точно, что с ними произошло, но ты меня не обманешь. Я был бы не я, если бы любой сопьяк мог бы легко обвести меня вокруг пальца! А теперь — слушай очень внимательно! Если хоть один волос спадет с головы Вити Кротова и ты разрушишь мою дружбу с его отцом, крик той девки, что ты слышал в детстве, покажется тебе колыбельной песней.

Егор слушал очень внимательно своего отца и если бы тот сказал все повторить слово в слово, он бы повторил без запинки.

— А теперь пошел прочь с глаз моих, чтобы я тебя не видел. Ничтожество...

Развернувшись, Борис Сергеевич обратился к начальнику безопасности:

— До завтра никого ни впускать. Сегодня нет меня.

И не обращая внимания на хныкающего сына

внимания, направился в кабинет. Закрыв за собой дверь, молча постояв с десять секунд, мужчина отправился заниматься своими бумагами.

У Егора же в голове была буря. Страх переплетался с гневом, самоотвращение соперничало с гордыней, отчаяние заглушало надежду на хоть какие-то хорошие отношения с отцом. «Я — ничтожество... я — ничто... НЕТ! Нет! И я докажу тебе. Виктор Кротов говоришь, что же, раз уж ты так настаиваешь, папочка, я устрою твоему ненаглядному Витеньке такое, что жалкий итальяшка еще на том свете ужаснется!» И слезы прекратились, и появилась на губах улыбка...

Глава III. Вечеринка

Сегодня был именно тот день, когда завидный парень Егор пригласил Виктора на свою вечеринку. Сказать, что Виктор был счастлив от предстоящего мероприятия — не сказать ничего. Ведь мало того, что о вечеринках в личном ночном клубе Двардова-младшего ходили легенды среди молодежи, так Егор еще всегда был окружен самыми красивыми девушками. Не смотря на свою фамилию и деньги родителей — Виктор этим похвастаться не мог. Он был ужасно скромн и не представлял даже как завести разговор с представительницей противоположного пола. И вот, в надежде, что Егор

введет его в свое общество и поделится долей своей славы, Виктор ходил из комнаты в комнату своей квартиры, убивая время и не находя себе места. В районе пяти вечера зазвонил его телефон.

— Ну что ты, парень, готов сегодня оторваться по полной? — Спросил в телефонную трубку Егор.

— Конечно, готов. Всегда готов! Слушай, что от меня нужно? Сколько денег брать или может еще что нужно? — Ответил взволнованный Виктор.

— Да не переживай, ничего не нужно. Я ведь тебя сам позвал. Я за тобой заеду в восемь, просто будь готов. И душ не забудь принять, будут девочки, которые захотят тебя съесть, так что будет лучше, если ты будешь хорошо пахнуть.

— Конечно, буду в лучшем виде! — Краснея, отвечал Витя.

— Ну, вот и договорились, в 20:00 будь готов.

— Хорошо, договорились.

Положив трубку, Виктор еще некоторое время продолжал улыбаться. И особенно он был рад предстоящей встречи с теми голодными девочками, которых упомянул его новый друг. Однако, взглянув на часы, улыбка его спала, ведь до встречи было еще так много времени! Виктору не хотелось ни смотреть телевизор, ни играть в свою игровую приставку — он был погружен в мечтания о сегодняшнем вечере. Спустя час-полтора снова

зазвонил телефон. Подскочив как ошпаренный, надеясь, что новый друг сможет заехать раньше, молодого человека ждало разочарование — это звонил его отец, Роман Александрович.

«Ну что ему еще от меня нужно?» — Подумал юноша, а сказал: «Привет, папа. Что-то случилось?»

— Да нет, просто вот решил позвонить. Как дела, сынок, чем занимаешься?

— Да так, сижу, телевизор смотрю. Время убиваю. — Соврал младший из сыновей.

— Так что же ты, приехал бы к нам, сегодня и сестра с братьями тоже приедет. Только тебя не хватает. Посидим-поговорим.

— Па, ну о чем мы будем говорить? О Ксюшиных ухажерах? Или о новой должности Димы? Я уже это все знаю, и про Юркино семейство мы уже тоже говорили.

— Мы — твоя семья и нам нужно чаще видеться. Мы тебя слишком балуем. Не нужно было покупать тебе отдельную квартиру...

— Ой, ну хватит. Чего ты начинаешь? У всех моих сверстников есть своя квартира! — Потеряв терпения, возразил Виктор. — Да и вообще ни о чем больше я не просил. Вот зачем ты меня все время упрекаешь этой квартирой? Если купил — так не нужно мне потом этим тыкать, будто бы я тебе должен. — Тишина. Видимо отец и в прям не хотел «начинать». — Ладно, пап, давай, пойду

поесть что-нибудь приготовлю.

— Если надумаешь — приезжай. — Сказав, на том проводе бросили трубку.

После разговора с отцом, настроение Виктора ухудшилось, ведь глубоко в душе, он понимал, что был не прав и совесть начала по немного сверлить изнутри. Они вообще в последнее время не особо ладили. Виктор слишком устал, что к нему всю жизнь относятся как к маленькому. Да уж, тяжелое это бремя быть младшим в семье.

Спустя еще какое-то время снова позвонил Егор и настроение Виктора улучшилось, а совесть затихла.

— Я здесь мимо проезжаю, могу уже сейчас заехать, ты как, готов? — предложил Егор.

— Привет еще раз. Да, готов, позвонишь, как спускаться.

— Можешь уже сейчас, через пять минут буду.

— Хорошо, выхожу!

Быстро накинув легкую куртку, обувшись, Виктор уже через минуту спускался на лифте.

По пути, он все не мог поверить своему счастью, ведь уже вот совсем скоро его жизнь круто изменится. Чтобы немного успокоиться, Виктор закурил. Вскоре к подъезду подъехал огромный новенький внедорожник, через лобовое стекло которого, юноша сразу увидел Егора, сидящего на

переднем пассажирском сиденье. За рулем же был мужчина на много старше их. На вид 30–35 лет, короткие, черные волосы, неоднократно сломанный нос и суровый взгляд. Виктору он сразу показался неприятным человеком. Егор помахал рукой, дав знак садиться в машину.

— Здорова, парень. — Поприветствовал хозяин машины.

— Привет, дружище! Рад тебя видеть. — Отозвался Кротов.

Скрепив приветствие рукопожатием, Виктор протянул руку и водителю, на что Егор, усмехнувшись, сказал.

— Знакомься — это мой телохранитель Федор. С ним не обязательно здороваться и вообще обращать на него внимания. В конце концов, он ведь не мой друг, правда, Федя?

— Так точно. — Коротко и без иронии ответил телохранитель.

Виктор был удивлен подобным отношением, но виду не подал. Егор же говорил о Федоре, как о собаке и совсем не переживал о том, что может подумать его личный охранник. После удивления, в голову юноши пришла мысль, что именно так и должно вести себя людям их статуса и ему теперь просто необходимо брать пример с Егора для своего перевоспитания. Глядя на телохранителя, стереотип Виктора тут же рассыпался: никакого

строгого костюма, темных очков и наушника в ухе. Черная майка, джинсы и тряпичная короткая куртка. Обычный парень. Егор продолжил:

— Это мой папаша требует, чтобы он таскался всюду за мной. Но я поставил им обоим условия. Первое, чтобы он не выделялся из толпы и не таскал меня, как девочку за ручку. Хотя, с его-то рожей — это будет не просто, но он должен стараться. И второе, чтобы в моем клубе его и других папиных клоунов не было. Чего там бояться, все же свои. Так что не парься, его с нами и не будет.

Виктор был рад такой новости, хоть и его все же смущал подобный тон его товарища.

В вечернюю субботу все трое молодых людей, быстро проехав пол Москвы, добрались до заветного клуба. На месте Егор приказал Федору ехать домой и забрать его после закрытия, в шесть утра. Мужчина молча кивнул и уехал проч.

— Не рано мы приехали? Еще и восьми нет! — Задал вопрос Виктор.

— Да не, просто нам еще нужно в одно место забежать. Не переживай, со мной тебе скучно не будет! — Ответил новый друг и как-то необычно улыбнулся.

Перед молодыми людьми предстало двухэтажное здание, горящее разноцветными огнями и большой вывеской над входом:

«FreeLive». «Еще минуту и я окажусь внутри, да еще и с владельцем клуба за компанию!» — Думал про себя Виктор, переполняемый радостным трепетом. Подобную радость, юноша не испытывал даже когда ему купили квартиру. Хотя по этому поводу он особо вообще не радовался, а воспринимал все как должное. На входе ребят встретили двое здоровенных, короткостриженных охранников в солидных костюмах. Они, как могли, любезно улыбнулись хозяину заведения, а на его спутника не обратили даже внимания. Сразу за входом молодые люди оказались в небольшой комнате. Слева от входа находился гардероб, внутри которого обслуживала людей, даже на трезвый взгляд, весьма красивая рыжая девушка. Справа — огромное, на всю двухэтажную высоту, зеркало. Перед зеркалом уборная, после него находилась спиралеобразная лестница, которая вела на танцпол и в бар. А прямо напротив входной двери была другая неприметная дверь.

— Здравствуйте, Егор Борисович. — Растянуто и, как могло показаться, с ноткой флирта, поздоровалась гардеробщица с хозяином ночного клуба.

— Привет, милашка. — В том же духе ответил ей ее начальник.

Виктор было собрался снять куртку, но Двардов его остановил.

— Подожди пока, пойдем за мной.

И он потащил его в эту самую неприметную дверь. За ней оказалась кухня, в которой, как в муравейнике трудились работяги. Все были заняты делом: кто-то мыл посуду, кто-то что-то готовил вкусное, третий мыл пол, но каждый, кто замечал Егора, тут же отвлекался от дела и любезно здоровался с ним. «Здравствуйте, Егор Борисович». Прямо будто бы было такое правило.

Не обращая на них внимания, Егор вместе с Виктором быстро прошли кухню и вышли через черный ход на улицу.

— Куда мы идем? — Не выдержал Виктор.

— Да здесь недалеко, не переживай. Я готовлю тебе сюрприз. Я должен был раньше тебе сказать, понимаешь, этот клуб — не то место, куда я тебя хочу привести. Но это потом, сначала же нам нужно забежать до одного человека.

Виктор насторожился, но из вежливости не стал подавать виду. Он испытал чувство, которое возникало у каждого: приносить себя в жертву ради мнимой вежливости и учтивости. Шли они по грязным, плохо освещенным закоулкам. Все эти здания, что снаружи блестели и сверкали, с задней стороны выглядели не лучше Чернобыльских, в прочем, в этом мы, люди, в некоторой степени были схожи. Спустя время, на конец, впереди показался силуэт человека.

— Вот он. — Коротко проинформировал Егор.

«Кто он, куда мы идем, что вообще происходит? Это все не то, чего я ожидал» — Недоумевал Виктор. В этот момент ему на телефон пришло сообщение от сестренки Ксюши: «Зря ты не пришел, у нас весело. И тебе уж я точно не стану больше рассказывать про моих ухажеров!» После прочтения, на лице Виктора появилась улыбка. «Все равно же будешь, не так-то просто от тебя отстать, сестренка... Да уж, наверное, все же нужно было к вам приехать...» — Думал про себя юноша.

— Здорова, приятель! — Егор в голос поприветствовал незнакомца.

— Тише-тише-тише! — Ответил незнакомец.

— Ты что опять обдолбался, друг мой? Ты глянь на него, он же укуренный! — Переведя взгляд на Виктора, Егор продолжал. — Зато у этого парня лучшая дурь в Москве. Если захочешь полетать — смело беги к нему, никогда не подведет! Да и вообще — этот парень достанет для тебя что угодно! Хоть ядерную бомбу!

Парень не ответил. Театрально прислонив ладонь к лицу, он что-то бормотал себе под нос. Это был высокий, худощавый человек, лет 25–27 на вид, с острыми очертаниями на лице и слегка прищуренными глазами. Одет он был не опрятно: грязные, потертые джинсы, серые кеды, балахон с

капюшоном. В одном его ухе был огромный туннель, настолько большой, что в него можно было просунуть, может не всю руку, но 4 пальца точно. Волосы были длинные, по плечи, не мытые и не собранные. На вид — обычный бездомный.

— Я вот немного подумал — неожиданно начал говорить незнакомец.

— Ох, Филя, не стоит. — Перебил его Двардов, а после тихо на ушко пояснил Виктору. — Этот парень если начнет рассуждать — его уже не заткнуть.

— Да подожди, это ненадолго, две минутки, пожалуйста, выслушай. — жалостливо ответил парень.

— Ну, хорошо! Только давай сперва рассчитаемся, пока ты меня не загрузил и я не забыл зачем пришел.

«Это был наркочиллер!» — Промелькнуло в голове Виктора. Действительно, Егор собирался приобрести наркотики и Виктор хотел было воспротивиться этому. Все его нутро кричало о недопустимости употребления наркотиков. Однако, было еще что-то. Скорее всего, это было обыкновенное любопытство. И хоть он знал, что нельзя, ему так хотелось все-таки попробовать. Ведь друг непременно его угостит, а когда еще Виктору представится подобный случай? К тому же Виктор думал, что от одного раза ничего плохого не

случится и согласится он лишь для того, чтобы понять, что же это такое. Кротов был уверен, что ничего дурного из этого не выйдет.

— Что тебе? — Спросил уличный торговец.

— Как обычно: 5 порций «Колумбийца», 2 пачки «Голландских конфеток», ну и немного травки, так, чтобы наутро расслабиться. — Быстро ответил покупатель, широко улыбаясь.

Филипп молча расстегнул свой балахон, под которым находился еще один такой же, но на втором было пришито множество карманов, быстро пошарив по ним, он достал все необходимое, сложил в пакетик и передал клиенту.

— А теперь слушай. — Начал говорить наркодиллер. — Стою я здесь постоянно, уже не первый год. У меня немного клиентов, зато все проверенные и мне нечего бояться. И вся жизнь моя такая тихая. Тишина. — И он замолчал. Только сейчас Виктор обратил внимания на его глаза: зрачки были по «пять копеек». Он было совершенно точно под кайфом.

— Ну?! — Егор нетерпеливо перебил размышления Филиппа.

— Так вот. Тишина — Порядок. Шум — Хаос. В тишине рождаются мысли, в шуме, суете, они погибают, но рождаются действия, преобразующиеся в материю. Хаос есть генератор энергии, той, что и творит все нас окружающие,

понимаешь? Но чтобы зародить в шуме энергию, нужна идея, та мысль, что рождается в тишине. Парадокс. Две противоположности, ведущие извечную борьбу, по сути, не могут друг без друга существовать. И борьба их и есть вся наша жизнь. — Говорил он быстро, словно боялся не успеть закончить свой рассказ или что-либо упустить в нем.

— Вот тебе, тебе и мне аналогия «добра» и «зла». — Указывая на всех по очереди, продолжал говорить Филипп. — Берет верх Порядок — пожалуйста: складные мысли, хоть и поверхностное, но понимание, осознание и созидания своего «Я», со всеми вытекающими. Отсюда радость, грусть, стыд, гордость, умиление и все наши душевные переживания. Порядок уступает Хаосу — в голове неразбериха, зато много действий. С выработком энергии идет поиск того, что мы получаем в тишине. И чем дольше мы не обретаем этого, тем больше генерируется материи, которая без Порядка может нас раздавить. Жизненно важно хотя бы попробовать, хотя бы попытаться обрести в себе баланс Порядка и Хаоса. Абсолютная же гармония, на мой взгляд, невозможна, так как две сути будут извечно перетягивать одеяло на свою сторону. Теперь мне понятно от чего заядлый моралист способен вытворить что-нибудь из ряда вон выходящее. — С

безумной улыбкой продолжал странный на вид человек. — Или же ужасный скептик, эгоист и нигилист бывает добрейшей души человек. Это все от того, что сущность наша ищет равенства. Увы, подобные приступы чаще бывают у приверженцев Порядка. Хаосу легче овладеть человеком. Большинству в шуме комфортно. И это выбор. Нет такого простого человека, который рожден на той или иной стороне противостояния.

— Дружище, да тебе санитаров нужно вызывать! Ты всегда, когда так обдолбаешься, философствуешь?

— Нет, но я всегда обдолбанный. — Без улыбки ответил он.

— Так это ты в Тишине живешь, от этого у тебя и появился этот бред в голове?

— А по-моему и не бред вовсе. Есть что-то особое в его размышлениях. — И Виктор вставил свое слово. Егор продолжил:

— Да я смотрю, вам есть о чем поговорить! Может тебя с ним оставить и вы здесь побеседуете на славу? — Агрессивно задал свой вопрос Егор, но вместо ответа, вдруг с какой-то грустью в голосе, заговорил снова Филипп:

— Нет, Егорчик. И я, и ты живем в шуме. И люди мы Хаоса. Я не о среде говорил, я о душе. — Егор в голос рассмеялся.

— Ладно, интересно с тобой Филя, но нам

нужно идти. — Филипп же будто бы и не слышал. Он снова прислонил ладонь к лицу и стал бормотать под нос: «Тишина — Порядок. Тишина, Тишина...» Виктор с Егором же развернулись и пошли обратно в сторону ночного клуба.

Шли они молча. Виктор не хотел задавать лишних вопросов и показаться глупым и уж тем более выдать свое волнение от встречи с наркоторговцем, которых до этого он мог видеть лишь в кино. Но вдруг, как он заметил, они свернули не туда, откуда пришли. Беспокойство в паре с раздражением стало им овладевать и, не выдержав, Виктор спросил.

— Куда мы идем теперь? — В его голосе отчетливо слышалось нервность.

— Я же тебе говорил, что мы не пойдём в «FreeLive»? Потерпи не много, ну что ты как маленький?! «Теперь и этот будет меня называть маленьким» — подумал Виктор. Егор продолжал — В том месте бывают только самые близкие и проверенные люди. — С этими словами он похлопал Виктора по плечу, давая понять, что именно он и есть тот самый особый и проверенный. Но даже Виктор понимал, что он не мог быть таковым, ведь они и знакомы то были всего около недели. «Может, это какой-то розыгрыш и он просто хочет посмеяться надо мной? Но зачем? Плохого я ему ничего не делал». — Размышлял

Виктор. Затем он вспомнил о том, как Егор относился к ребятам из университета, да и со своим телохранителем тоже, и подумал, что Двардов — это не тот человек, которому нужен повод.

— У тебя уже была девушка? — Перебив размышления, спросил Егор.

— В смысле? В плане отношений? — Этим вопросом он застал Виктора врасплох.

— Ну и отношений и так? Ты спал с девушкой? Мужиком-то себя уже чувствовал?

— Ну... нет, пока еще нет. — Честно, но без уверенности отвечал смущенный юнец.

— Ничего, скоро мы это исправим. Ты ведь по годам-то уже мужик! Ты должен, наконец, познать женщину. Потерпи немного. Сегодня твоя жизнь изменится на «до» и «после»!

Эти слова заставили Виктора насторожиться еще больше, ведь все смеются над девственниками в таком возрасте, а в искренность своего спутника, Виктор уже не мог поверить.

— Далеко еще идти? Что это за место? А то мы уже полчаса идем по этим закоулкам! Где это место? — Начиная заводиться младший из семейства Кротовых.

— Да вот, уже пришли. — Улыбаясь так, словно подзадоривая, отвечал Егор.

Перед ребятами предстала обычная металлическая дверь. Никаких огней, вывесок и

даже окон.

— Что это? — Спросил Виктор. — Куда ты меня притащил?

— Расслабься, приятель, ты что такой нервный? Сейчас все будет.

С этими словами Егор достал из кармана электронный ключ и открыл дверь. Вместо замка был самый обычный домофон. Лишь слегка приоткрыв ее, изнутри сразу послышалась музыка. Видимо, дверь была очень хорошо шумоизолирована.

— Заходи — не стесняйся. — Пригласил Егор.

Перед ними предстала небольшая комната с выходами в другие помещения, освещаемая слабым красноватым светом. К ним сразу же подошли две улыбающиеся девушки в костюмах из сексшопа. Одна из них, в костюме горничной, подойдя к Виктору, прижалась и тихонько сказала: «Хочешь, ты сегодня будешь моим господином, а я твоей послушной служанкой?» С этими словами она облизнула Виктору шею и сделала невинное лицо, как у маленькой девочки, а после рассмеялась ему в лицо. Смех этот был отталкивающий и вызывал раздражение, но чувства, которые он испытывал перед её формами были сильнее. Девушка взяла его за руку и повела вперед. Виктор совершенно не понимал, что ему делать дальше. Разные чувства переполняли юношу. С одной стороны, он ужасно

хотел пойти за ней, но что-то его отталкивало и кричало «Вернись домой!» Виктор же подумал, что все испытывают подобные чувства, когда у них случается «это» в первый раз. Взглянув на Егора в надежде понять, что ему делать дальше, Виктор увидел, как Двардов в этот момент пытался поцеловать вторую девушку в образе женщины-кошки, а та же в свою очередь, не поддаваясь ему, лишь игриво отвечала «Мяу». Увидев, или почувствовав, что Виктор смотрит на него, Егор аккуратно отодвинул девушку, сильно шлепнув её. Жест этот явно не понравился девушке, хоть она и не стала это особо демонстрировать.

— Иди же! Чего ты боишься!? — Обратился хозяин к своему гостю. — Давай, смелее, а после мы отпразднуем такое событие! — И сразу же обратился к девушке-горничной. — Только ты, милочка, будь помягче и старайся больше. Ты будешь у него первой, и он должен запомнить тебя на всю жизнь!

Не отводя от Виктора взгляда, девушка ответила:

— Уж я-то постараюсь. Перед смертью будет еще вспоминать. — И снова, пуще прежнего засмеявшись, схватила его за руку и потащила вперед. Виктор злился от того, что Егор сказал о его маленьком секрете. Но зато теперь младший Кротов был уверен, что Егор пригласил его только для того, чтобы просто посмеяться над ним. Тем более, вдруг эти девушки учатся с ними? Как они будут смотреть на него после? Что будут говорить ему и тем более за его спиной? А Виктор-то думал, что они с Егором и вправду могут стать друзьями. Но с другой-то стороны, Двардов сделал Виктору такой подарок и он не собирался от него отказываться. Смущенный молодой человек зашагал увереннее. Проходя первую комнату, дверь в которой была открыта, юноша увидел кровать, на которой трое людей были поглощены похотью. Парень и две девушки. Виктор узнал его — это был

одногоруппник Егора, с которым они всегда были вместе. На душе Виктору стало мерзко, уж слишком это вульгарно и пошло, но и одновременно его животную часть это возбудило еще больше. В комнате, в которую вела девушка, был выключен свет и Виктор шагал полностью доверившись своей спутнице. Она же вела его уверенно — точно знала куда идти. Вдруг ногами молодой человек во что-то уперся, видимо, кровать. Девушка приступила раздевать парня. Кротов стоял смирно, полностью доверившись ей. Когда она добралась до штанов, дыхание у него перехватило и от возбуждения вместе с волнением, ноги стали подкашиваться. Если бы внезапно включили свет — девушка бы увидела дурацкую улыбку, застывшую у мальчишки на устах. Сейчас Виктор выглядел как самый счастливый идиот.

— Я хочу начать с массажа. — Нежно прошептала девушка.

Направляя юношу, «служанка» уложила его животом вниз. Кровать оказалась жесткой, узкой и высокой, словно больничная кушетка. Вдруг в комнату зашел еще кто-то, а парень уже был полностью нагой. Как же он мог забыть закрыть дверь?!

— Меня попросили присмотреть за вами, надеюсь, никто не против? — По игривому голосу стало ясно, что вошла девушка-кошка.

— Конечно, милая, вместе будет веселей! — За двоих ответила первая и попыталась придаться поцелую с вошедшей, но «кошка» снова оказалась неприступна. «Служанка» недовольно и даже удивленно фыркнула, а после с силой приступила массировать спину молодого человека, который ну никак не мог ожидать подобного.

— Вытяни ручки вперед и так нам всем будет удобнее. — Говорила «горничная».

Как раньше, Виктор молча выполнил просьбу и в этот момент он почувствовал, что его кисти что-то сжимает. Не успела с его лица пропасть улыбка, как счастливчик почувствовал тоже самое на своих ногах, чуть выше лодыжки. Попытавшись безрезультатно освободиться, удивление Виктора сменило раздражение.

— Что это? Что вы делаете? — еще сдерживаясь, спросил Виктор.

— Тихо мальчик, тихо. Успокойся, все будет хорошо. — По-матерински поглаживая его по голове ответила «служанка».

— Если вы любите пожестче, то это уж без меня. Я на такое не подписывалась... — Не успела девушка-кошка закончить, как яркий свет ударил в глаза. Скованный по руки и ноги, юноша увидел впереди себя большую стеклянную стену, разделяющую комнату пополам. За стеклом, словно на троне, восседал Егор. Перед ним стоял

небольшой столик с каким-то белым порошком и выпивкой.

— Что за чертовщина?! Немедленно развяжите меня! — В голосе Виктора была смесь горечи позора и гневного возмущения. Егор же величественно поднялся и не спеша подошел к стеклу.

— Улыбайся. — Растянуто сказал он и пальцами надавил себе на щеки, показывая, как именно нужно улыбаться. В комнату напротив стали прибывать еще люди. Те трое с соседней комнаты и плюс еще несколько человек из не пойми от куда. Хозяин заведения вернулся на свое место, «служанка» истерически закатывалась смехом. Виктор не мог поверить, что это происходит. «Это все сон. Этого не может быть!» — Думал он про себя. Но Виктор не просыпался. Девушка-кошка стала было говорить, что так нельзя и парня нужно отпустить. После она начала кричать. Сзади слышались тяжелые шаги. Удар. Что-то упало. «Кошка» больше не кричала, а лишь тихонько хныкала. Музыка становилась громче и набирала темп. Взгляд Егора был уставлен на прикованного юношу. «Тяжелые шаги» стали ходить уже совсем рядом. И вот он встал впереди Виктора, чтобы тот мог разглядеть его во всей красе. Самка бегемота была бы в восторге. Здоровенный амбал, весь покрытый шерстью — на

первый беглый взгляд можно было бы спутать с гориллой. Из одежды на нем была лишь кожаная маска, покрывающая всю голову, с разрезами для глаз и молнией в области рта, да ошейник с короткой цепью. Видимо, собаку сняли с поводка. Так же Виктор успел разглядеть у него на шее татуировку в виде единорога. Внезапно, кушетка согнулась пополам и молодой человек оказался в весьма неловком, согнутом состоянии. И только сейчас Виктор Кротов понял, что они собирались с ним сделать. Нет, не просто посмеяться над ним, этого им было мало. Его гордое возмущение улетучилось, и он стал просить, умолять отпустить его.

— Егор, пожалуйста, отпусти меня! Ну что же я вам сделал... нет, Егорушка, не надо. — В ответ Егор улыбнулся еще шире.

— Умоляю не надо... пожалуйста, пожалуйста... пожалуйста! Я дам денег, сколько хочешь, я все сделаю, только отпусти меня! — «Кошка» зарыдала, что на миг заглушила музыку. «Служанка» подскочила к ней — удар. Еще удар.

— Заткнись, сука, или сейчас и ты там будешь валяться связанной! — Кричала девушка в костюме служанки — «кошка» не успокаивалась. Последовал очередной удар.

— Эй ты, громила, утащи эту плаксивую шлюху отсюда, пока я не убила её! — Егор кивнул,

девушка-кошка закричала иначе, видимо, от боли. По звуку было понятно, что её тащат волоком. Виктор затих. Надежда, что его отпустят и все это закончится, еще жила в нем. Ему было страшно двигаться, производить звуки, говорить и дышать. Вдруг это еще больше возбудит их садистские амбиции? Егор отвлекался от представленного зрелища, лишь чтобы смочить от возбуждения пересохшее горло. Пытаясь быть сильным, Виктор собрал всю свою волю в кулак и попытался спокойно поговорить с ним.

— Егор, останови это безумие и все забудем. Я не стану никому рассказывать. — Вышло у него не лучшим образом: говорил он на каждом слове заикаясь, а так же, все его тело трясло от страха и волнения. Ну а недавний друг не стал сдерживаться и вволю рассмеялся.

— Да расскажи ты хоть всему свету — тебе никто не поверит, а после мой отец сделает так, что тебя еще и в дурку закроют! — Разрываясь от смеха, кричал злобный мальчишка. — К тому же, я обещал тебе, что жизнь твоя разделится на «до» и «после». Ты же ведь не хочешь меня выставить лжецом?

Из другой комнаты, куда утащили девушку, снова послышались тяжелые шаги. Еще раз встав перед Кротовым, огромный мужчина уставился ему прямо в глаза. Виктор чувствовал, что тот

улыбается. Бешенная «служанка» принялась лобзать пленника и попыталась поцеловать. Виктор же, к своему собственному удивлению, нашел в себе силы и смелости, чтобы плюнуть ей в лицо. Искривленное от ярости лицо девушки в этот момент больше походило на звериный оскал, она замахнулась, но остановилась и посмотрела на Егора — здесь он был абсолютным хозяином. Егор одобрительно покачал головой и показал пальцем в угол.

— Ну, малыш, ты сам напросился. — И снова дикий смех. На мгновение она исчезла из поля зрения несчастного узника. И вдруг, Виктор ощутил ужасную боль. Словно раскаленное железо впилося в его спину. Он закричал. Секунда... и снова удар.

— Ты у меня быстро станешь послушным. Мамочка умеет перевоспитывать! — И снова удар. Затишье. Тяжелые, огромные и до жути сильные руки обхватили юношу сзади. Виктор хотел умереть в этот момент. До этой секунды он пытался держать себя в руках. «Я должен быть сильным, как учил меня мой отец». — Мелькало у него в голове. Но он не смог. Слезы потекли из его глаз. Когда «служанка» ударила Виктора еще раз — он уже не кричал. Приподняв голову, перед пленником предстала картина: на той стороне комнаты одна пара без стеснения стала совокупляться, другой парень вообще мастурбировал в дальнем углу

комнаты. Девушки кусали губы — их это возбуждало. «Нелюди, сборище мразей, грязь и биомусор» — Еле слышно, полный злобы шептал Виктор. Он проклинал их про себя, возненавидел их всем сердцем, хоть и видел впервые. А Егор все смотрел и улыбался. Кажется, он что-то шепчет. Началось самое страшное. «Обезьяна» захрипела Виктору на ухо, словно жирный вепрь, это чудовище убивало его честь. Боль, стыд, страх, истерический смех садистки-извращенки, проклятые Виктором лица вокруг. Все как в тумане. Время затормозилось или остановилось вовсе. Где-то отдаленно, скованный юноша слышал ужасный вопль. Это был его крик. Слезы текут — да и пусть текут. Ему уже это не важно. Все уже не важно. Все пустое. Лишь пыль вокруг. Нельзя сказать точно, сколько это продолжалось — Виктору показалось вечность. Униженный, обессиленный, да что там, словно мертвый, он лежал, уткнувшись в точку.

— Тебе было весело, парень? Чего ты молчишь, маленький Витенька? — «Почему бы ему не убить меня прямо сейчас? Зачем он меня мучает?» — Не отвечая, думал про себя Виктор. Король положения продолжил говорить, обращаясь уже не к Виктору. — Развяжите нашу милашку, хватит с него на сегодня. Ну а если тебе понравилось — я жду тебя каждую субботу. — Ремни ослабли и обессиленные руки Виктора упали